

Юй Цинли торопливо вышла из больничной палаты, оставив после себя лишь холодный, отчужденный силуэт.

Линь Дун, опираясь рукой о косяк двери, растерянно провожала её взглядом.

— Эх! — тяжело вздохнула она про себя.

Пятнадцать лет разлуки.

Жизнь превратила некогда живую, милую, наивную и добрую Учительницу Юй вот в это. Что может быть травильнее и печальнее?

— Подумать только, её сын в таком состоянии, а она вместо того, чтобы ухаживать за ним здесь, собирается тащиться на свои клятые курсы... — презрительно бросил Линь Хаосюань, косо глядя в сторону выхода.

— А ну марш в школу на уроки, не мозоль мне здесь глаза, — Линь Дун вошла в палату, ухватила Линь Хаосюаня за одежду и потащила к выходу.

В этот момент в окно она заметила, как Юй Цинли выкатывает из под навеса для велосипедов потрепанный электроскутер.

Но она-то знала, кем была Юй Цинли: учительницей старших классов по китайской словесности, женщиной, которая некогда держала себя высокомерно, той, что всегда говорила тихим, мягким голосом.

— Как скажешь.

Заметив испуганное выражение на его лице, Линь Дун взяла инициативу на себя:

— Как насчет супа из свиных ребрышек? Врач говорит, костный бульон богат кальцием, он очень полезен для срастания костей.

Линь Цыси молча покачал головой. Было заметно, что этот ребенок привык страшно подавлять себя — на его лице всегда запечатлевались сдержанность и мрачность.

Стоило какой-то женщине поблизости случайно задеть её, как та подпрыгнула, словно испуганная лань, а затем разразилась отборной руганью.

— Есть хочешь? Чего бы тебе хотелось? — спросила Линь Дун.

— Ой, я в школу опоздаю!

Желая избежать гнева Линь Дун, Линь Хаосюань с ухмылкой выскочил из палаты и убежал.

— Я знаю, она опять пошла вести занятия на курсы.

Из-за жуткой боли он истошно вопил и плакал. Лишь спустя несколько дней подобных мучений он наконец успокоился и смог нормально разговаривать.

— Да она просто...

Женщина тоже не собиралась уступать: ухватившись за руль электроскутера, она с каждым мгновением всё больше свирепела лицом.

— Я не знаю.

— Ужин готов! Кто за едой? Есть комплексные обеды в коробочках, суп из ребрышек, жидкая каша с пампушками, лапша... — разнося тележку с готовой едой, громко зазывала по коридору сотрудница больничной столовой.

— Тетя, чего ты так удивляешься? Говорю тебе, если мы на уроке начнем баловаться, Учитель Юй ругается в сто раз хуже!

Поймав суровый взгляд Линь Дун, Линь Хаосюань испуганно замолчал. Следы от недавней пощёчины ещё не сошли, а получать ещё одну ему совсем не улыбалось.

Линь Дун объяснила мальчику, что произошло, и добавила, что его мама тоже навещала его, но была вынуждена срочно уйти по делам.

Слабым голосом произнес Линь Цыси, сильно нахмутив брови.

Если бы Линь Дун не была знакома с Юй Цинли, она бы наверняка подумала, что стала свидетелем самой обычной базарной брани провинциальных хабалок.

— Если болит, не сдерживайся, кричи.

Около пяти-шести часов вечера Линь Цыси очнулся.

Линь Дун попросила принести суп из ребрышек и принялась заботливо кормить Линь Цыси.

Сначала Линь Цыси смотрел на Линь Дун с крайним подозрением, из-за чего кормление шло со скрипом, но постепенно он смягчился и отбросил настороженность.

Когда с миской было покончено, отношения между ними стали намного ближе.

— А знаешь, вообще-то я была ученицей твоей мамы. Я видела тебя, когда тебе было всего несколько месяцев от роду, тогда ты был таким пухленьким...

Линь Цыси широко распахнул глаза.

— Какой тогда была моя мама? — с некоторым разочарованием в голосе спросил он. — Сколько себя помню, лицо мамы вечно искажено горькой гримасой. Почему у других мам лица всегда улыбаются?

Линь Дун вспомнила собственную мать — кажется, та вела себя точно так же.

Она опустила ложку и с щемящей болью в сердце, полной сочувствия и горечи, погладила Линь Цыси по голове.

— Когда твоя мама учила меня, она еще не была замужем. Тогда она всегда выглядела беззаботной и жизнерадостной, ходила чуть ли не вприпрыжку. Стоило заговорить с ней, как она сначала озарялась улыбкой, а потом начинала щебетать невероятно сладким голосом — о чём бы ни зашла речь, у неё всегда находились бесконечные темы для разговоров.

Линь Дун погрузилась в приятные воспоминания.

— Правда?

Линь Цыси едва ли мог в это поверить. Рассказ Линь Дун казался ему небылицей, чем-то, чего никогда не существовало на свете, хотя всё это и правда было в прошлом.

— Конечно, правда, — с абсолютной уверенностью произнесла Линь Дун.

— Но почему со мной она всегда такая? Не знаю, может, из-за проблем с моим ухом ей стыдно за меня, и она не смеет поднять голову перед людьми, — набравшись храбрости, выговорил Линь Цыси.

Линь Дун бросила на него взгляд и сказала:

— Глупый мальчишка, как тебе только в голову такое приходит? Все мамы на свете горячо любят своих детей, она же изо всех сил старается, зарабатывает деньги — и всё ради тебя.

— Кстати, твои мама и папа развелись?

Линь Цыси опустил голову и тихо выдавил из себя:

— Да.

— Когда мне было двенадцать, папа бросил госслужбу и подался в риелторы. Он забрал все деньги, которые мама откладывала мне на операцию на ухо. А разбогатав, завел на стороне другую тётю и выгнал нас с мамой из той квартиры. Нам пришлось переехать в служебную многоэтажку при школе.

Линь Дун хорошо помнила того мужчину.

Он был выпускником магистратуры Хуачжунского педагогического университета, сухощавый, высокого роста, заурядной внешности. Говорил он так, будто у него были повреждены голосовые связки — хрипло и неприятно режа слух.

Тогда они еще только встречались.

В один из предвечерних дней Линь Дун шла вместе с ними из школы. По дороге Юй Цинли почему-то всё время жалась ближе к Линь Дун.

Приближался Новый год, и на обочине дороги ребенок зажигал петарды.

Одна из них гроыхнула прямо у ног Юй Цинли.

Она подпрыгнула и бросилась прям в объятия Линь Дун, вся дрожа от испуга. Линь Дун же просто стояла с безмятежным видом, глядя на неё, и заливисто смеялась над её панической трусливой реакцией.

Возможно, с самого начала они не так уж сильно и любили друг друга.

А раз так, расставание было неизбежно.

Жаль только ребенка, рожденного в этом союзе.

Половина одиннадцатого вечера.

Появился Линь Хаосюань.

— Чего это ты приперся сюда в такую поздежу? Почему не спишь в общежитии однокурсников? — приподнявшись на кровати, спросила Линь Дун, сама не заметив, как вздремнула.

— Боялся, что ты слишком устанешь, вот и пришел сменить тебя на ночную вахту, — Линь Хаосюань указал на другую пустую больничную койку и добавил: — Тетя, иди ляг на ту кровать и нормально выспись, ты же последние дни круглосуточно дежуришь здесь.

— Я в порядке, еще держусь. А вот ты — ученик выпускного класса, и так вечно не высыпaeшься, да еще и надумал ночь не спать. Ну-ка брысь отсюда, марш вон!

Линь Цыси открыл глаза и тихо промолвил:

— Я в туалет хочу.

Линь Дун только собралась подать ему стоявшую под кроватью утку, как Линь Хаосюань перехватил её инициативу.

Опередив всех с видом сейчас я вам покажу, он подхватил Линь Цыси на руки прямо с постели и перенес на унитаз в туалетной комнате.

Спустя пару минут он точно так же вынес Линь Цыси обратно.

— Линь Цыси, помнишь меня? Это я тогда тащил тебя на себе и привез в больницу. Пусть твоя мамаша меня терпеть не может и вечно пакостит, о тебе заботиться всё равно надо. Кто же виноват, что моя тетя тебя сбила? — болтал во все лопатки Линь Хаосюань, сияя жизнерадостной улыбкой.

— Хех...

Линь Цыси редкостно улыбнулся.

<http://bllate.org/book/22064/2294304>